

— любопытство. На лбу — опека. В волосах — свобода... Можно продолжать без конца, но зачем, если я знаю свою карту и без всех этих слов? Знаю, о чем я мечтаю. Знаю, чего я боюсь. Знаю, что я честна с собой и от этого мне легко. Легко сказать, что я знаю свою настоящую жизнь, свою работу, своих близких людей. Может каждому стоит написать себе такую карту, чтобы стать более чувственным? Чтобы лучше узнать себя и перестать, наконец, себе врать? Просто мысли. Просто мои примечания к путеводителю до настоящего и искреннего Я».

В условиях переизбыточности контента, предлагаемого современному потребителю информации всевозможными ресурсами, умение отбирать, анализировать, критически оценивать получаемые данные, рефлексировать и выстраивать собственную систему ценностей и приоритетов, на наш взгляд, является важным навыком любого конкурентоспособного специалиста. Для журналиста, пока что по-прежнему в большей степени, чем остальные представители медиасообщества, способного влиять на установки и взгляды аудитории, способность четко формулировать мысли, аргументированно доказывать позицию и предлагать свой продукт в привлекательной текстовой (и визуальной) форме является необходимым условием востребованности и профессионального успеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блог blisch.by. – URL: <https://blisch.by/statistics> (дата обращения: 03.02.2022).

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФАУСТИАНЫ В НЕМЕЦКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРАХ THE TOURIST POTENTIAL OF FAUST-CONCEPT IN GERMAN AND BELARUSIAN CULTURES

Т. С. Супранкова
T. Suprankova
tatsupr@tut.by

*Белорусский государственный университет, г. Минск,
Республика Беларусь*
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

В данной статье дается компаративный анализ немецкой, польской и белорусской версий фаустианы, ставшей вечным сюжетом мирового культурного наследия. Также исследуются наиболее значимые факторы фабулы легенды, которые могут быть потенциально использованы в туристической индустрии. This article provides a comparative analysis of the German, Polish and Belarusian versions of Faust-concept, which has become an eternal plot of the world cultural

heritage. It also explores the most significant factors of the legend's plot that can potentially be used in the tourism industry.

Еще со времен Средневековья, когда начали формироваться культуры современных европейских народов, происходит межкультурный диалог в западноевропейском пространстве, под которым мы понимаем обмен культурным опытом, ценностями, обогащение культур в результате такого взаимодействия. Примеров этому множество: заимствованная лексика в национальных языках, адаптация стилей национальными школами зодчества, живописи, скульптуры, обмен литературными сюжетами. Для туристической индустрии необходимы не только знания местного краеведческого характера, но и факторы, которые являются связующим звеном с всемирным культурным наследием, являющимися предметом межкультурной коммуникации.

Одним из ярчайших примеров такой межкультурной коммуникации является и сюжет о Фаусте, который увидел свет во франкфуртской типографии Иоганна Шписа в 1587 году как анонимное произведение «История доктора Иоганна Фауста, знаменитого чародея и чернокнижника». Это первая по времени зафиксированная версия легенды, хотя прототипов и предпосылок к возникновению именно такого топоса в мировой культуре было довольно много.

Топос фаустианы – один из самых популярных в европейской культуре. Оформившись в эпоху Ренессанса, он получил распространение в литературе Западной Европы (немецкая народная легенда «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике», трагедия английского драматурга К. Марло «Трагическая история доктора Фауста») и на территории Речи Посполитой в польской и белорусской культуре (цикл легенд о пане Твардовском). В эпоху Просвещения эта мифологема привлекла немецких сентименталистов, ярким представителем которых был молодой И. В. Гёте, написавший своего «Прафауста» («Urfaust») в 1772 г. Не посчитав этот труд достойным, великий писатель сжег его, но, как напишет русский писатель XX века М. Булгаков в своей фаустиане «Мастер и Маргарита», «рукописи не горят»: через столетие была найдена рукописная копия первого «Фауста», сохранившаяся благодаря почитательнице таланта молодого Гёте Луизе фон Хеххаузен. Переработанный «Фауст», его первая часть, увидел свет только в 1808 году. Вторую величайший мастер создавал вплоть до своей смерти в 1832 году. Это шедевральное произведение, дело всей жизни И. В. Гёте, становится образцом, провозглашая мифологему и философему фаустианы в мировой литературе и культуре.

Не все исследователи согласны с непосредственным влиянием немецкой народной легенды на предание о пане Твардовском, но, безусловно, это история занимает почетное место в ряду таких произведений фаустианского цикла, как рассказы о самарянине Симоне-маге, древнеперсидском Захаке, антиохийских Киприане и Юстине (испанский Фауст Кальдерона называется «Маг-чудотворец»), византийском Феофиле, кельтском Мерлине, итальянском Каруле, чешском Жито и немецком Фаусте. Начиная с первой четверти XIX в., предания о Твардовском стали привлекать внимание фольклористов, этнографов, литературоведов. Некоторые из них соглашались с очевидным влиянием легенды о докторе Фаусте. Среди них можно назвать польского фольклориста и историка литературы Казимежа Владислава Вуйцицкого, который опубликовал в 1837 г. первый сводный текст сказаний о Твардовском, немецких исследователей Т. Фогля [5], В. Лепельмана, Й. Гольдштерна, чьи заголовки научных трудов утверждали, что легенда о Твардовском – польский вариант фаустианской версии. Тем более что сама немецкая легенда о Фаусте появилась в польском переводе также в 1587 г., в год ее издания Иоганном Шписом в типографии Франкфурта-на-Майне. Сторонники же национальной версии появления такого героя видели прототип Твардовского в польских средневековых представлениях (Казначей, Петр Дунин, Белфегор) и даже в сочинениях римского поэта Вергилия.

Попробуем провести аналогии в историях Фауста и Твардовского, чтобы выделить особенности сюжета о Фаусте в польско-белорусской версии легенды. Рассмотрим сначала этимологию номинации главных героев. Насчет происхождения фамилии Фауста, как и Твардовского, существуют различные версии. Если искать аналогии в немецком языке, то существительное женского рода «die Faust» переводится как «кулак» (распространенная в Германии фамилия, указывает на твердость и прочность характера, силу духа), в латинском языке прилагательное «faustus» обозначает «счастливый» (несмотря на свой род занятий, он стремится найти счастье и быть счастливым запретными средствами). Германист Виктор Жирмунский утверждает, что Фауст – личность историческая. О нем есть упоминания между 1507 и 1540 годами, о чем свидетельствуют его современники в исторических документах (известные немецкие гуманисты Филипп Меланхтон, Филипп фон Гуттен, епископ Бамбергский Георг III и др.). [2, с. 271–272]. Далее российский исследователь приводит конкретные места пребывания этой неординарной исторической фигуры. Среди них представляет интерес следующее свидетельство: «К Меланхто-

ну (Манлию) восходит известие, будто Фауст учился в Краковском университете, где в то время “публично преподавали магию” (подразумевается так называемая “естественная” магия в отличие от черной магии или чернокнижия). Сведения эти повторяют позднейшие авторы, следующие за Меланхтоном – Манлием (Вир, Мейгериус, Лерхейм и др.)... Существенно, что они наличествуют в польских “Анналах” Станислава Сарниціуса...» [2, с. 273–274]. Согласно документальным свидетельствам, Ягеллонский университет в Кракове (1364 г.) – старейшее учебное заведение для земель польских и Великого княжества Литовского, в котором обучался и белорусский первопечатник Франциск Скорина в начале XVI в., приобрело известность еще и тем, что там изучалась нигромантия.

Станислав Сарниціус замечает: «А так как в Кракове в старину более, чем в других городах, занимались магией, то многие упорно утверждают, что при помощи магических чар жители Кракова вызывали тени польских героев такими по виду, какими описывал своих героев Овидий, и после печатали их изображения и рисовали на углах домов» [2, с. 26]. Это замечание проливает определенный свет на фигуру пана Твардовского, про которого в Беларуси до сегодняшних дней ходят легенды о вызывании духа Барбары Радзивилл по просьбе короля Жигимонта Августа. Поэтому, опираясь на эти сведения, можно сделать вывод, что немецкий Фауст и польский Твардовский, – разные люди. Немецкие историки полагают, что исторический пан Твардовский происходил из Нюрнберга и обучался в Виттенберге медицине, после поселился в Кракове 1565 г. Как и Фауст, он имел латинизированное имя – «Dhur», что происходит от прилагательного «durus», а по-польски звучит как «twardy» – «твердый», «сильный», «строгий». А в польском языке фамилия звучит как «Твардовский». Как можно увидеть, этимология имен этих героев объединена концепцией твердого и сильного характера, желанием идти до конца в достижении цели, чтобы прикоснуться к тому, что другим не позволено, и стать счастливым. Эти мотивы будут важными для И. В. Гёте в его дальнейшей трактовке образа Фауста и в реализации идей великого немецкого писателя в концепции сверхчеловека Ф. Ницше.

Женские образы – очень важная часть фабулы обоих сюжетов. В легенде о Твардовском сначала есть упоминание про его любовницу, которую он катал в лодке по Висле, после шляхтич вступает в брак с молодой пани, разгадав ее загадку, но через некоторое время прогоняет ее от себя. Пани Твардовская построила себе из глины домик на краковском базаре и торговала там горшками и мисками. Твардов-

ский завел экипаж, богатый двор с прислугой и не имел недостатка в деньгах. Проезжая через краковский базар, он каждый раз приказывал своим слугам разбивать горшки, которыми торговала его жена. Та посылала ему за это проклятия, а Твардовский хохотал.

В народной книге Фауста посещает желание жениться, но черт убеждает его в привлекательности прелюбодеяния. Сожительницами чернокнижника оказываются красивейшие женщины мира, нечистые духи, даже сама Елена Спартанская. Этот мотив станет важным после и для Гёте, но его образ Елены наполнен символическим смыслом и означает путь новоевропейской культуры к канонам античной красоты и их переосмысление, в частности эстетикой веймарского классицизма. В версии народной легенды Фауст вызывает Елену как духа, чтобы показать студентам, как он вызывает духов Александра Великого и его жены императору Карлу V. После, когда остается один год до окончания контракта, Елена становится его наложницей и рождает ему сына, который обладает пророческим даром. Со смертью Фауста оба исчезают. По несвижской и другим версиям о вызывании духа королевы Барбары Радзивилл, умершей жены короля Жигимонда Августа, которые не зафиксированы у Вуйцицкого, король Речи Посполитой обратился к чернокнижнику Твардовскому. Барбара Радзивилл не была из королевского рода, но своей внешней и внутренней красотой покорила сердце самого короля, поэтому она является идеалом красоты и совершенства в белорусской культурной традиции. Таким образом, общий мотив вызывания духа умершей красавицы присутствует и там, и там.

В версии, записанной Вуйцицким, мотив молитвы к Деве Марии и ее заступничество, которое спасает Твардовского от когтей черта, играет важную роль в фабуле и кардинально противоположен немецкому аналогу. Исследователь Ю. К. Бегунов сравнивает легенду о Твардовском с подобным сюжетом о Савве Грудцыне в русском фольклоре, ища общее. Среди таких мотивов он также отмечает небесное покровительство Марии: «С повестью о Савве Грудцыне сказания о Твардовском роднит демонологическая тема: герой русской повести – сын устюжского купца Грудцына-Усова Савва продал свою душу дьяволу. Обманутый Названным братом (а на самом деле, сатаной), он изведal немало приключений и даже совершил подвиги на полях сражений; в конце концов, Савва был избавлен от адского огня Богородицей. В основе польской и русской демонологических легенд лежит мотив службы дьявола человеку с коварным замыслом овладеть его душой. Этому замыслу не суждено осуществиться. И Грудцын, и Твардовский, два великих грешника, были спасены Богородицей по молитве к ней. В этом нетрудно

заметить нечто общее. И в польских католических сказаниях, и в русских православных преданиях о деве Марии исключительное значение придается молитве, обращенной к ней» [1, с. 84].

Эстетическое поле романтизма, проросшее из глубин эпохи Просвещения, идейно, жанрово, тематически вышло из него. В белорусской культуре эта тема также ярко отражается. Особенно открытыми на такого рода межкультурный диалог оказались Адам Мицкевич и Ян Барщевский в то время, которое в истории мировой литературы носит название «романтизм» (см. [3]). Но этот диалог распространился и за границы собственно литературного творчества. Среди композиторов-романтиков, которому по душе пришлось гётевская фаустиана, первым стал выходец из белорусских земель князь Антоний Генрик Радивилл. Заинтересованность литературным сюжетом «Фауста» Гёте с момента выхода в свет произведения породила многочисленные музыкальные интерпретации Ш. Гуно, Г. Берлиоза, М. Глинки, А. Локшина, М. Мусоргского и других классиков мировой музыки. Фигуре пана Твардовского посвящены опера А. Н. Верстовского, балеты А. Г. Зоненфельда, Л. Ружицкого, баллада С. Монюшко.

Радивилловская версия музыкальной фаустианы – первая по времени написания музыкальная обработка, плод многолетнего труда композиторского и писательского талантов, плод взаимодействия культур. Поэтому либретто «Фауст» представляет интерес как театральное произведение эпохи романтизма, как величайшее философское и эстетическое воплощение гётевского гения. Интерес представляет и направление переосмысления автором отдельных образов, переакцентуация их в соответствии со спецификой жанра либретто. Причина интереса и в том, что произведение является результатом взаимодействия двух культур (немецкой и белорусской) и двух эпох (Просвещения и романтизма) (см. [4]).

В живописи, театральном искусстве и кинематографе фаустиана получила также широкое распространение. Особенно заинтересованы образами Фауста и Твардовского были творцы XIX и XX веков. Фауст – любимый герой кинематографа, начиная с Ж. Мельеса и экспрессионистского кино Ф. В. Мурнау. Легенда о Твардовском также неоднократно была экранизирована деятелями польского кинематографа. В белорусской культуре наибольший интерес представляют театральные работы режиссера Гродненского областного театра кукол Олега Жюгжды «Магическое зеркало пана Твардовского» (2009, по пьесе Сергея Ковалева) и «Фауст. Сны» (2014, А. Жюгжда).

Сюжеты немецкой и белорусской фаустианы, несомненно, обладают потенциалом стать частью материала туристических экскурсий, даже

отдельно разработанных маршрутов. В истории Фауста и Твардовского есть много общего – их соединяет эпоха Возрождения с ее смелыми идеалами, общими мотивами, исторической конкретикой. Но в каждой легенде присутствуют и национальные аспекты, которые являются проявлением ментальных установок тех культур и этносов, которые их породили. Легенды о Фаусте и Твардовском стали не только интересными историями, но и приобрели дальнейшие обработки и вызвали широкий резонанс в национальных и зарубежных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунов Ю. К. Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твердовском» // Советское славяноведение. – 1983. – № 1. – С. 78–90.
2. Легенда о докторе Фаусте. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 424 с.
3. Супранкова Т. С. Белорусская фаустиана на стыке эпох и культур // Contemporary Issues of Literary Criticism XI “Romanticism in Literature. On the Cross-road of Époques and Cultures (Dedicated to the 200th Birth Anniversary of Prominent Georgian Romantic Poet Nikoloz Baratashvili)”: Proceedings of International Symposium / Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University, Georgian Comparative Literature Association (GCLA), September 27–29, 2017. – Tbilisi: TSU Press, 2017. – Part II. – P. 101–117.
4. Супранкова Т. С. «Фауст» И. В. Гёте и А. Г. Радзивилла: поэтика и проблематика музыкальной адаптации // Питання літературознавства. – 2018. – № 97. – С. 118–133.
5. Vogl T. Twardowski – der polnische Faust. – Wien, 1861. – 85 S.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ. К ТЕОРИИ ВОПРОСА LOCAL HISTORY JOURNALISM IN THE MODERN MEDIA DISCOURSE. TO THE THEORY OF THE QUESTION

Ю. В. Ткаченко
Yu. V. Tkachenko
julia-polia@mail.ru

Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, ПМР
T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, PMR

В настоящей статье представлены основные характеристики краеведческой